

Научная статья

УДК 304.4

doi: 10.17223/19988613/78/23

Публичный дискурс археологического наследия и формы его интерпретаций

Артем Вячеславович Чернышов

Томский государственный университет, Томск, Россия, chernyshov.artem.1996@mail.ru

Аннотация. Рассматривается археологическое наследие как часть многолинейного культурного процесса. Многогранность общественных смыслов, которыми наделяются памятники археологии, обозначается как «публичный дискурс» и рассматривается на примере известных общественно-культурных ситуаций (кейсов). Проводится обзор концепций общего понятия «наследие», выработанных в области Heritage Studies, анализируются универсальные и специфические черты археологических памятников, влияющие на их социальную значимость, и указываются основные формы их общественной интерпретации.

Ключевые слова: наследие, археологический памятник, социальная интерпретация, публичный дискурс

Для цитирования: Чернышов А.В. Публичный дискурс археологического наследия и формы его интерпретаций // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 188–194. doi: 10.17223/19988613/78/23

Original article

Public discourse of archaeological heritage and its interpretations

Artyom V. Chernyshov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chernyshov.artem.1996@mail.ru

Abstract. This article considers the phenomenon of archaeological heritage as a multi-linear cultural process that correlates with various cultural meanings and values. The relevance of this research is connected with the western heritage canon rooted in the scientific community which considers all kinds of heritage (including archaeological one) as a material expression of a national-political idea. However, some cases demonstrate completely different forms and roles of heritage (religious, creative, educational) where the national-political factor sometimes plays a secondary or even insignificant role. So we can suggest that formation of images of the past is determined by the social agency of people, but the institutional influence of power. The purpose of the article is to present certain archaeological images in public discourse, from the standpoint of social actions, individual and group values, language and ways of discussion and social factors which make heritage demanded.

The article's author develops an approach in considering such key definition as heritage analyzing the key works in the field of Heritage Studies and Critical Heritage Studies. At the end of this section the author considers all symbols and values connected with heritage as a part of the public (social) discourse. Public discourse suggests that heritage is not a fabricated image of the past, it focuses on the connection with the present, it can be changed, clarified and concretized depending on private and public norms, values and identities

In the next section the concept of archaeological heritage is concretized by considering the specific material features of archaeological monument which distinguish them as a separate type of heritage. We can note scientifically proven pastness, clarity, fragmentation and ambiguity of archaeological monuments. In the author's opinion these features form a variety of contexts and options for reading an archaeological monument and set a special stimulus for interpretations of the material past. Thus the multi-contextuality of archaeological monument forms a multitude of "heirs" and a variety of forms of dealing with the past.

The social and cultural cases noted in the paper ("Altai Princess", the phenomenon of Arkaim, the Prussian ports in Koenigsberg as a place of national memory, etc.) show different values and meanings that are not limited by the framework of official scientific and political statements. It is concluded that heritage is not a completed socio-political product, but an unceasing multi-linear process. Every social act in relation to heritage (creation, perception, perpetuation, narrating and even inaction) leaves a discursive consequence. Thus the interpretation of the archaeological past is an anthropological problem that needs to be studied with a wide range of qualitative methods (participant observation, biographical interviewing, discourse analysis, etc.).

Keywords: heritage, archaeological monument, social interpretation, public discourse

For citation: Chernyshov, A.V. (2022) Public discourse of archaeological heritage and its interpretations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 188–194. doi: 10.17223/19988613/78/23

Введение

Археология как наука о прошлом всегда имеет неоднозначную связь с настоящим. Неудивительно, что прошлое, выраженное материальными археологическими памятниками, часто имеет свою актуальность в настоящем и используется разными сообществами в зависимости от запросов современности. Чаще всего это происходит в рамках политически ангажированных и псевдонаучных интерпретаций прошлого. Из-за этого ученые вынуждены постоянно говорить о социальной роли археологической науки и проблемах ее объективности в отношении с властью и обществом.

Археологическое наследие часто фигурирует в блоке таких понятий, как нация, народ, государство, история, территория, национальная идея или идентичность. Из-за этого феномен археологического наследия и способы его интерпретации традиционно принято рассматривать в ключе национально-политического дискурса. В условиях, где наследие прошлого становится действующей системой настоящих культурных ценностей, оно является одним из каналов взаимодействия власти и общественных групп. В такой трактовке политические интерпретации прошлого подаются «сверху вниз»: от авторитетных политиков и экспертов в исторической оценке (ученых, музейных хранителей, культурных элит) к основной группе потребителей, идентифицирующих себя по определенному признаку (национально-гражданскому, этническому, территориальному и т.д.).

Однако, несмотря на очевидный политический потенциал археологических памятников, образующиеся вокруг них паттерны смыслов и интерпретаций не всегда обусловлены политическими мотивами. К примеру, известный томицам бренд кулайской археологической культуры мы можем оценить лишь как лейбл местных предпринимателей и культурных элит, не относящийся к политической повестке. Также известный памятник Аркаим, несмотря на попытки различных националистов включить его в свои «истории», трудно назвать определенно «чьим-то» национально-политическим проектом, так как вокруг этого памятника мирно существует множество группировок с различными идеями и ценностями: потомки «славяно-ариев», шаманисты, эзотерики и т.д. Эти и подобные примеры говорят о том, что создание археологического наследия определяется более широким набором факторов и разнообразными группами участников, принадлежность которых не ограничена рамками «нации», «этноса» или «территории». Данный тезис предполагает, что археологическое наследие представляет собой не собираемую версию прошлого, ориентированную на современные ценности, а непрерывающуюся общественную деятельность, в которую включено множество рядовых участников. В соответствии с этим убеждением предпочтительно рассматривать интерпретацию археологического прошлого в публичном

(общественном) дискурсе, т.е. с позиции взаимодействия рядовых участников социума, каналов их коммуникации, языка и способов обсуждений, индивидуальных и групповых ценностей, а также социальных факторов, порождающих те или иные археологические образы.

Общественный дискурс в теории допускает, что в сообществах, где человеческие и общегражданские ценности преобладают над национально-политическими или же вовсе исключают их, формируемое материальное наследие может принимать специфические образы, отличные от «официально формируемых». Это исходит из убеждения, что социальные образы прошлого образуются прежде всего социальной агентностью людей, а не административно-политическим фактором. Данная статья является попыткой представить наблюдаемые нами образы археологического прошлого как следствие социальной активности, неким контекстом интерактивных социальных связей, в котором отражаются индивидуальные и групповые ценности. Любая агентность по отношению к наследию может проявляться в действии, создании, бездействии, восприятии и т.д., но при этом она всегда оставляет последствия. Эти последствия, равно как и механизмы создания определенных археологических образов, необходимо изучать на примере конкретных ситуаций (кейсов). С другой стороны, следует выработать подход к определению общего понятия «наследие» и выявить, какую специфику в него вносят материальные свойства археологического памятника.

Наследие: чем является на самом деле?

Любые археологические образы – памятники, монументы, реликвии, древнюю символику – как объекты социального восприятия мы должны изучать в тесной связке с понятием «наследие». Что вообще подразумевается под наследием? Появление исследовательского интереса к наследию принято связывать с именем Д. Лоуэнталя, признанного основателя *Heritage Studies* и автора известной работы «Прошлое – чужая страна». В этой книге автор обозначает наследие как то, что «упрощает и проясняет прошлое, привнося в него современные цели и намерения» [1. С. 7]. Данная книга задала тон дальнейшим работам 1980–1990-х гг., которые рассматривали наследие как важный общественно-политический инструментарий. К примеру, у М. Чейза и К. Шоу наследие отождествляется с модой на национальное прошлое [2. Р. 17]. Р. Хьюисон считал наследие правопопулистским проектом и убеждал научное сообщество в существовании государственной индустрии наследия [3. Р. 18]. Сам же Лоуэнваль расценивал наследие как избирательный политический продукт, который общество должно воспринимать именно в этом ключе [1. С. 336–338]. Эти работы сложили исследовательскую традицию, в которой наследие

расценивалось как результат политической эксплуатации прошлого в виде маркера востребованной национально-гражданской идентичности.

Менее категорично политически ориентированную функцию наследия описывал Р. Сэмюэл, полагая, что интерес к наследию связан с демократизацией осмысления прошлого и что оно создается людьми, а не правящими элитами [4. Р. 15–24]. Другой теоретик наследия, П. Райт, занимал промежуточную позицию: он опирался на концепцию «повседневного исторического сознания» и считал, что подъем интереса к наследию – это не столько продукт правящей идеологии, сколько естественная реакция общества на трансформацию современности [5. Р. 6–8]. Однако в 1980–1990-х гг. наследие в целом расценивалось именно как политический ресурс и получало из-за этого критическую оценку, тогда как в последующие десятилетия происходило переосмысление и преодоление «западного канона наследия». В 2000-х гг. в Heritage Studies происходит зарождение новых теорий, которые превратили наследие из материального, общепризнанного и единого в нематериальное, релятивное и индивидуальное. Л. Смит наиболее детально показала новую позицию наследия, в которой оно представляло собой уже не определенные вещи или конкретные места, а ценности и смыслы, конструируемые вокруг них [6]. Такой подход не делил общество на производителей и потребителей образов прошлого, а, наоборот, присваивал различным сообществам валидность в порождении собственных образов прошлого.

С такой точки зрения наследие является частным случаем коммуникации и не имеет ничего общего с так называемым авторизованным дискурсом наследия (из терминологии Л. Смита), который создается уполномоченными экспертами и претендует на обсуждение в рамках официальной политической повестки. По своей социальной форме наследие является множеством вариантов «прочтений» прошлого различными группами, но никак не единым культурным наследием [6. Р. 80–82]. Как следствие, наследие представляет собой многолинейный и непрекращающийся культурный процесс образования, обработки и интерпретации культурных смыслов, не являющихся задуманным политическим творением.

В современных работах наследие больше и больше охватывает сферу быденности и повседневной жизни, некоторые исследователи привлекают внимание к неформальным практикам и объектам наследия, значимым для разных социальных групп. Большее значение приобретает роль индивидуальных практик, личных переживаний при взаимодействии с наследием. Кроме того, расширено понятие временных границ наследия: исследователи работают с объектами, относящимися не только к далекому, но и к недавнему прошлому. Наконец, наследие стало пониматься как «социальное действие», что, по сути, отменило монополию права экспертов (археологов, архитекторов, чиновников) в определении и признании объектов наследия и дало это право различным социальным группам [7. Р. 22–25]. Такой подход сделал проблемы, связанные с интерпретацией прошлого, антропологическими, и сейчас

он указывает на некоторые преимущества герменевтического подхода в их изучении. Не говоря уже о широко применяемой этнографии в этом направлении (использовании интервью и включенного наблюдения), мы можем также осветить спектр новейших методических внедрений. Это дискурс- и контент-анализ, семиотический анализ музейных экспозиций, исследование эмоций и аффектов в обращении с прошлым, мультиакторное исследование ролевых отношений в исторической интерпретации [8. Р. 5–7]. Несмотря на вариативность вышеописанных концепций, все они едины в устойчивом мнении: наследие – это не столько артефакт прошлого, сколько свидетельство о настоящем, в котором для человека одинаково важны как прошлое, так и ощущение его преемственности.

Археологическое наследие: универсальные и особые черты

Данный раздел является смысловым продолжением предыдущего, где делается попытка отыскать необходимую концепцию уже археологического наследия. Определив, что наследие можно рассматривать как часть политической (национальной) идеи, а также в роли индивидуальных культурных смыслов, мы сейчас должны очертить те его границы, которые накладывают на него физические свойства археологического памятника. Здесь более уместен вопрос о соотношении частных и универсальных черт, которые определяют культурную привлекательность археологических памятников.

Культурная привлекательность археологического памятника неоспорима. В любой древней вещи, которая наследуется и сохраняется, научно подтвержденная архаичность сама по себе является показателем этой привлекательности. Любой читатель этих строк, сверившись со своим жизненным опытом, согласится с тем, что древняя вещь всегда вызывает чувство восхищения, удивления, ажиотажа или же сомнения в подлинной «древности» наблюдаемого объекта. Привлекательность древней вещи можно оценить и с другой стороны. Древняя вещь осязаема и визуально восприимчива, она является прямым реликтом прошедших времен, из-за чего способна порождать особый чувственно-образный опыт. По утверждению Н.А. Мушгетя, контакт с древней вещью вызывает пространственно-временную вневременность, которая «переносит» человека в прошлое, как в архаичное, так и в относительно недавнее, пережитое лично им [9. С. 23]. Подобный эффект Ж. Деррида называл «отсроченным присутствием» и определял его как характерное свойство вещи в подобных практиках [10. С. 178].

Также стоит учитывать эстетическую привлекательность памятника прошлого, которая строится на многообразии вещных форм, дошедших до современности из прошлого, и на уникальности отдельных объектов, созданных руками человека. Здесь речь идет не только об оригинальной творческой ценности, но и о внешних параметрах памятника. Множество памятников археологии привлекают нас выразительностью, помпезностью, масштабностью (если речь идет о древ-

них городах, храмах, монументах), технологической сложностью их изготовления. По замечанию В.М. Андреева, на этом фоне мы можем уже отметить специфику некоторых археологических памятников, которая заключается в сочетании художественного и материально-бытового производства [11. С. 495]. Большинство артефактов прошлого создавалось для хозяйственного предназначения и лишь в рамках закреплённых традиций производства, тем не менее у обывателя могут вызывать восхищение искусно выполненные, хоть и стереотипные вещи (отшлифованные каменные орудия, нарезные рукояти, керамические изделия). По этому параметру археологический памятник наглядно выделяется среди остальных видов наследия.

Далее стоит указать на свойства археологического памятника, которые стимулируют особые формы его социальной интерпретации. Среди таковых кроме наглядности и очевидной древности можно обозначить фрагментарность и полисемантическую археологического материала, условность выделяемых археологических единиц, переплетение различных культурных признаков в рамках одной археологической культуры, множество культурных напластований в рамках одного памятника. Если ученому-археологу эти свойства создают высокие барьеры для идентификации его находок, то не-эксперт может увидеть благодаря им самые причудливые мозаики прошлого в зависимости от своих духовных поисков. Эти свойства археологического материала определяют множественность вариантов его профанных прочтений. Многозначность археологических источников вкупе с их презентабельностью упрощает их использование в качестве национальных символов, объектов поклонения или социально наследуемых атрибутов. А.Д. Михайлов также обращает внимание на точную пространственную локализацию археологического памятника, которая упрощает его рутинизацию в качестве места социальной памяти, делая его объектом территориальной гордости [12. С. 123]. В специфику археологического источника С.С. Соколов включает не только его физические свойства, но и сам процесс его получения. По его замечанию, реархеологизацию памятников можно рассматривать как что ни на есть культурный смысл, социально значимое обстоятельство «возвращения» людям их прошлого, спрятанного под землей [13. С. 40]. Как мы видим, уникальная особенность археологического наследия, не имеющего за собой конкретного и точно установленного создателя, заключается в широкой контекстуальности его прочтений и множестве «наследников». Это и определяет различные формы индивидуального и коллективного обращения с археологическим прошлым. Далее будут рассмотрены основные формы его использования на примере известных общественно-культурных кейсов.

Формы и образы археологического наследия

Памятник археологии визуально воспринимаем и осязаем, он является непосредственным денотатом архаичного прошлого, и, соответственно, его статус как исторического источника более авторитетный в срав-

нении с остальными. Указанные свойства подогревают его значимость и делают его объектом самых разных общественных манипуляций. Археологические памятники имеют мобилизующий потенциал для националистов, прославляющих собственное прошлое, религиозных почитателей, чиновников, озбоченных туристическим имиджем своего края. В годы социальных потрясений и национальных поисков археологические памятники закономерно трансформируются в места исторической памяти, служат инструментом общественного сплочения. Автор не оспаривает актуальности и проблем, к которым обычно приводят эти тенденции (культивация национализма, намеренная фальсификация исторического прошлого). Однако стоит также отметить, что под масштабностью сплавляющих смыслов, построенных вокруг археологических памятников, скрываются и частные смыслы, апеллирующие к разнообразным культурным ценностям. Эти смыслы закрепляются во множестве индивидуальных практик запоминания, воспоминания, забвения, отрицания, обсуждения, а также практик эмоционального восприятия прошлого, в которых воспроизводится та или иная ценность. Одной из первых это подчеркивает Л. Смит в книге «Способы использования наследия», применяя в отношении памятников наследия понятие «дискурс» и конституируя свойство наследия меняться не только под институциональным давлением, но и ввиду частных культурных практик. По ее основному определению, наследие – это не стабильные объекты с имманентно присущей им ценностью, а, напротив, культурный процесс, включающий в себя целый ряд практик (социальных, экономических, туристических и т.д.) создания смысла и идентичности и регулируемый различными дискурсами, которые «одновременно отражают эти практики и конструируют их». [6. Р. 13]. Из этого следует, что помимо авторизованного дискурса наследия существует множество других практик обсуждения и интерпретации археологических образов.

Некоторые научные работы позволяют взглянуть на альтернативные образы прошлого через призму исследования социальных и политических процессов. В качестве вводного тезиса мы должны подчеркнуть важность общественно-политического контекста, в котором наиболее заметен «взрыв» прошлого. Во многом именно официальный политический дискурс порождает альтернативные образы прошлого, претендующие также на официальное обсуждение и признание. История и современность изобилуют множеством примеров дискурсивной борьбы между различными группами и их интерпретациями прошлого. Прошумевший на весь мир инцидент с «укокской принцессой» является одним из показательных случаев такой борьбы. Выкопанная новосибирскими археологами мумия не просто стала топосом культурной памяти алтайцев, но и породила разнообразную палитру этнически-ассоциативных и культурных брендов, распространенных среди алтайцев и русского населения Республики Алтай. В настоящее время в архитектурном облике Горно-Алтайска продвигается «пазырыкский стиль» [14], укокский мотив активно используется в творчестве местных писателей и художников, а фольклорная биография

«укокской принцессы» продолжает пополняться новыми фактами и мифологическими интерпретациями [15]. С учетом меняющихся политических условий меняется и характер дискурсивной борьбы. Здесь важным предстает факт репатриации мумии из Новосибирска в Горно-Алтайск, который можно расценивать как знак уважения учеными прав коренных алтайцев на собственное этническое прошлое. Авторы коллективной статьи «Международное значение репатриации “укокской принцессы”» обращают внимание на важную роль номинации археологического прошлого, производимой официальными структурами (в том числе институтами науки). Именно официальное согласие министерства культуры РФ и Академии наук на возвращение укокской мумии на ее историческую родину смягчило конфликтность алтайской культурной памяти, хотя этот факт до сих пор не удовлетворяет традиционные этнородовые сообщества Алтая, требующие захоронения мумии [16. С. 37–38].

Одна из традиционных форм изучения публичного дискурса наследия была в свое время заложена социологической школой и часто заимствовалась археологами для изучения отношения общества к их работе и, собственно, к археологическому прошлому [17, 18]. В качестве примера можно привести социологическое исследование Е.В. Водясова, направленное на изучение отношения жителей Томска к мировому и местному наследию археологии [19]. Результаты социологического опроса показали, что респонденты подчеркивают значимость археологической науки, однако подавляющее большинство не могло назвать ни одной археологической достопримечательности мира и Томской области. Подобные результаты, по замечанию автора, прослеживаются и в более ранних социологических исследованиях по другим регионам и государствам [Там же. С. 69–71]. Повторяемость и распространенность подобного отношения к археологии можно объяснить отсутствием качественных каналов коммуникации археологов с широкой общественностью. Тем не менее на этот вывод стоит смотреть не как на проблему, а как на состоявшийся социальный факт: действительно, люди, которые ничего не знают об археологических памятниках, но говорят о значимости наследия, во многом повторяют то, что им говорили родители, учителя, политики с телевизионных каналов. Но это не значит, что большинство граждан не интересуются прошлым самостоятельно. Возможно, для некоторых людей прошлое выражено не археологическими памятниками, а другими формами наследия. Возможно, памятники местной археологии не так помпезны и наглядны, как пирамиды Хеопса или Колизей, чтобы их «знать» или «интересоваться ими». А возможно, люди даже не представляют, что на их малой родине что-то ищут и выкапывают? Стоит отметить, что Томске все же существует запрос на определенные исторические символы: например, с 1990-х гг. среди томичей относительно известны темы «Томского Лукоморья» и «славяно-арийской цивилизации» в Сибири [20. С. 486–489]. Во многом подобные образы сопровождаются яркими мифологемами, которые делают их более образными и привлекательными. Привязывая эти факты к вышеописанным

доводам, стоит отметить, что социологический вектор исследований должен подкрепляться более широким спектром методов (биографическими интервью, включенным наблюдением). Это необходимо прежде всего с целью выявления индивидуальных дефиниций «наследия» и связанных с ними ценностей.

При подобных доводах стоит также осознавать широту и вариативность масштабов воздействия материального прошлого на общество. Об этом говорит, в частности, С.С. Соколов, указывая на многоаспектность интерпретации археологического прошлого [13]. Упомянутый пример Аркаима свидетельствует, что археологический памятник может обладать множеством означаемых и способен превращаться в наследие на разных уровнях восприятия и идентичности (индивидуальный, групповой, общественный), и сам контекст общественно-политических нужд играет в социальной интерпретации порой несущественную роль. Ситуация Аркаима в этом плане очень показательна. В наше время Аркаим не только фигурирует в различных псевдонаучных историографиях, но и является специфической Меккой для апологетов эзотерики, астрологии, магии, уфологии и неоязычества различных направлений. Многоконтекстуальность археологического памятника, на взгляд С.С. Соколова, не просто порождает множество альтернатив памяти, но и служит особым культурным регулятором «коммеморативного произвола» [Там же. С. 39].

Многогранность наследия и многоуровневость его воздействия определяют также его образную пластичность и подвижность. Интересный момент заключается в том, что данные свойства наследия, привязанного к одному памятнику прошлого, лучше всего проявляются в увеличении или уменьшении фокуса социального восприятия. Так, например, знаменитые прусские форты, построенные в Кенигсберге в XIX в., сейчас являются одним из центров локального примирения различных образов прошлого на ретроспективно оспариваемой территории – Восточной Пруссии в виде современной Калининградской области. Несмотря на то, что эти форты имеют важную символическую роль в национальной тематике «защиты» и «победы» (для русских) или же «поражения» (для немцев), на практике их использование показывает разные социальные функции, исключающие порой национальную окраску. В один форт вмещен Музей Великой Отечественной войны, во второй – Музей янтаря, а третий обустроен под площадку для пейнтбола [21. С. 36–37]. Данный кейс говорит о том, что необходимо учитывать модус и масштабы интерпретации памятника, ведь если в рамках государственной или национальной идеологии памятник имеет однозначную интерпретацию, то на уровне локальных практик частные образы прошлого могут быть бесконфликтными и конфигурировать на одних памятных местах.

Важный вопрос касается также соотношения официальных и неформальных образов наследия. Говоря об общественном образе наследия, мы уже делали вывод, что его закрепление в социальном опыте лучше всего проходит через официальные номинации (законы, политические акты и указания, заключения институтов науки и управления наследием). Однако, по настоящему

К. Баррера, нельзя определять наследие, уникальность и ценность которого заверена документально, как официальное и политически мотивированное. Во многом сформированный образ наследия определяется не только официозными институтами, но и неформальными практиками [22. С. 8]. Часто материальное наследие выступает как источник вдохновения для неформального творчества. Неформальное наследие не требует официального признания, оно более органично встроено в социокультурную жизнь группы или общества, поскольку определяется также законами спроса и предложения. Наследие есть то, что лучше всего отвечает потребностям общества, как коллективным, так и индивидуальным. Данный феномен хорошо проявляется в образах наследия, получивших товарно-рыночную оценку и функционирующих как потребительский бренд. Здесь в качестве примера можно упомянуть характерный для Томска кейс – кулайскую археологическую культуру, образы которой активно транслируются в ювелирном производстве и творческих проектах [23].

Заключение

Описанные подходы к пониманию публичного дискурса наследия (в частности, археологического) пока-

зывают, что в социальном пространстве наследие не ограничено рамками официальных научных и политических утверждений. Наследие не замкнуто само в себе как готовый социальный продукт, оно является динамичным непрекращающимся процессом. Из-за этого памятники наследия показывают разнообразие культурных смыслов, которые котируются обществом. С другой стороны, наследие прошлого не воспроизводит само себя, а образуется как результат социальной агентности людей и определенных социальных практик. Любые формы агентности людей (создание, восприятие и даже бездействие) оказывают влияние на формирование общественных образов наследия.

Археологические образы, как и другие формы наследия, необходимо изучать с учетом всего спектра методов, практикуемых в области *Heritage studies*, таких как интервью, включенное наблюдение, дискурс-анализ. При всем этом необходимо учитывать материальную специфику археологического памятника, его полисемантическую и тривиальную наглядность, поскольку именно они придают археологическому материалу особую стимулируемость при построении объект-ориентированных связей между «наследием» и его «наследниками».

Список источников

1. Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, Русский остров, 2004. 622 с.
2. Chase M., Shaw C. *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press, 1989. 174 p.
3. Hewison R. *The heritage industry: Britain in a climate of decline*. London: Methuen, 1987. 160 p.
4. Samuel R. *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. London: Verso, 1994. 449 p.
5. Wright P. *On Living in an Old Country*. London: Verso, 1985. 194 p.
6. Smith L. *Uses of Heritage*. Abingdon: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. 386 p.
7. Lumley R. *The Debate on Heritage Reviewed* // *Heritage, Museums and Galleries: an Introductory Reader* / ed. G. Corsane. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 15–26.
8. Carman J., Stig Sørensen M.L. Introduction: making the means transparent: reasons and reflections // *Heritage studies. Methods and approaches* / J. Carman, M.L. Stig Sørensen (eds.). London: Routledge, 2009. P. 3–10.
9. Муштей Н.А. Старинная вещь: анализ постижения сущности в непосредственном восприятии // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 22–24.
10. Деррида Ж. Голос и феномен / перевод с фр.: С.Г. Кашина, Н.В. Суслов. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
11. Андреев В.М. Археологический памятник как эстетический объект // *Мир науки, культуры, образ*. 2013. № 6 (43). С. 495–496.
12. Михайлов Д.А. Археологические места социальной памяти // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 394. С. 121–126.
13. Соколов С.С. Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника (окончание) // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2014. № 2 (38). С. 39–44.
14. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Пазырыкский стиль символической атрибутики Республики Алтай в контексте картины мира алтайцев // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 3 (23). С. 165–168.
15. Доронин Д.Ю. Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 1. С. 74–104.
16. Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами) // *Древности Сибири и Центральной Азии* / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. № 7. С. 17–45.
17. Pokotylo D. Public Opinion and Canadian Archaeological Heritage: a National Perspective // *Canadian J. of Archaeology*. 2002. Vol. 26. P. 88–129.
18. Holtorf C. Monumental Past: the Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg Vorpommern (Germany) // *Papers from the Institute of Archaeology*. Vol. 13. DOI: 10.5334/pia.171. URL: <http://hdl.handle.net/1807/245> (accessed: 02.05.2022).
19. Водясов Е.В. Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска // *Сибирские исторические исследования*. 2015. № 2. С. 66–73.
20. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 536 с.
21. Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 28–42.
22. Barrère Ch. Cultural heritages: From official to informal // *City, Culture and Society*. 2015. Vol. 7. P. 7–10.
23. Зайцева О.В. Как звучит кулайский джаз? (реинтерпретация археологического наследия политическими и творческими элитами Томской области) // *Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы*: XII Конгресс антропологов и этнологов России, Ижевск, 3–6 июля 2017. М.; Ижевск, 2017. С. 449–450.

References

1. Lowenthal, D. (2004) *Proshloe – chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal', Russkiy ostrov.
2. Chase, M. & Shaw, C. (1989) *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press.
3. Hewison, R. (1987) *The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline*. London: Methuen.

4. Samuel, R. (1994) *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. London: Verso.
5. Wright, P. (1985) *On Living in an Old Country*. London: Verso.
6. Smith, L. (2006) *Uses of Heritage*. Abingdon: Routledge, Taylor & Francis Group.
7. Lumley, R. (2008) The Debate on Heritage Reviewed. In: Corsane, G. (ed.) *Heritage, Museums and Galleries: an Introductory Reader*. Aldershot: Ashgate. pp. 15–26.
8. Carman, J. & Stig Sørensen, M.L. (2009) Introduction: making the means transparent: reasons and reflections. In: Carman, J. & Stig Sørensen, M.L. (eds) *Heritage Studies. Methods and Approaches*. London: Routledge. pp. 3–10.
9. Mushtey, N.A. (2012) Starinnaya veshch': analiz postizheniya sushchnosti v neposredstvennom vospriyatii [An antique thing: an analysis of the comprehension of the essence in direct perception]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 12(1). pp. 22–24.
10. Derrida, J. (1999) *Golos i fenomen* [Voice and Phenomenon]. Translated from French by S.G. Kashina, N.V. Suslov. St. Petersburg: Aleteyya.
11. Andreev, V.M. (2013) Arkheologicheskii pamyatnik kak esteticheskiy ob"ekt [The archaeological monument as an aesthetic object]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(43). pp. 495–496.
12. Mikhaylov, D.A. (2015) Archaeological sites of social memory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 121–126. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/394/20
13. Sokovikov, S.S. (2014) Problems of historical memory and relevant sociocultural contexts of the archaeological monument (ending). *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv – Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2(38). pp. 39–44. (In Russian).
14. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2013) Pazyryk style of character attributes of the Altai Republic in the context of the Altaians world view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 165–168. (In Russian).
15. Doronin, D.Yu. (2016) What is wrong again with the “Altai princess”? New facts from newslore biography of Ak Kadyr. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 74–104. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/11/7
16. Pletts, G., Soenov, V.I., Konstantinov, N.A. & Robinson, E. (2014) Mezhdunarodnoe znachenie repatriatsii “Ukokskoy printsessy” (gotova li rossiyskaya arkheologiya k dialogu s korennyimi narodami) [The international significance of the repatriation of the “Ukok Princess” (is Russian archeology ready for a dialogue with indigenous peoples)]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Vol. 7. Gorno-Altaysk: GASU. pp. 17–45.
17. Pokotylo, D. (2002) Public Opinion and Canadian Archaeological Heritage: a National Perspective. *Canadian Journal of Archaeology*. 26. pp. 88–129.
18. Holtorf, S. (2001) Monumental Past: the Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg Vorpommern (Germany). *Papers from the Institute of Archaeology*. 13. DOI: 10.5334/pia.171. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/1807/245> (Accessed: 2nd May 2022).
19. Vodyasov, E.V. (2015) Archaeological heritage in the minds of contemporary inhabitants of Tomsk. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/8/5
20. Shnirelman, V.A. (2015) *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in the modern world]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Felker, A.V. (2018) Issledovaniya naslediya i politiki pamyati – v poiskakh obshchikh podkhodov [Studies of heritage and politics of memory – in search of common approaches]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 28–42.
22. Barrère, Ch. (2015) Cultural heritages: From official to informal. *City, Culture and Society*. 7. pp. 7–10.
23. Zaytseva, O.V. (2017) Kak zvuchit kulayskiy dzhaz? (reinterpretatsiya arkheologicheskogo naslediya politicheskimi i tvorcheskimi elitami Tomskoy oblasti) [What does Kulay jazz sound like? (reinterpretation of the archaeological heritage by the political and creative elites of Tomsk Region)]. In: Puzanov, D.V. & Zagrebin, A.E. (eds) *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennyye vyzovy* [Mission of Anthropology and Ethnology: Scientific Traditions and Modern Challenges]. Moscow; Izhevsk: UrB RAS. pp. 449–450.

Сведения об авторе:

Чернышов Артем Вячеславович – аспирант кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernyshov.artem.1996@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chernyshov Artem V. – PhD student, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshov.artem.1996@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 06.05.2022; accepted for publication 05.07.2022